

СКОБЕЛЕВЪ И ПУШКИНЪ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія—правительство императора Александра I, науганное тѣми стремленіями къ свободѣ, которыя послѣ 1815 года въ разныхъ формахъ проявились во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ, стало опасаться вліянія этого духа на русское общество; оно усилило цензуру и съ особенною недовѣрчивостью взирало на малѣйшее столкновеніе начальниковъ съ подчиненными въ полкахъ гвардіи и арміи. До какихъ размѣровъ дошло недовѣріе властей къ русскому обществу вообще и къ гвардіи въ особенности послѣ, такъ-называемаго, «бунта семеновскаго полка», видно изъ разсказа объ этомъ событіи, напечатаннаго на стр. 533—548, т. IV «Русской Старины» и изъ переписки И. В. Васильчикова съ кн. Волконскимъ.

Въ настоящей замѣткѣ, сообщенной А. Н. Петровымъ, мы останавливаемся на новомъ и весьма характеристическомъ эпизодѣ изъ того же времени.

Ред.

Семеновская исторія, вызванная излишнею строгостью командира семеновскаго полка, объяснялась въ правительственныхъ сферахъ 1820-хъ годовъ не иначе, какъ въ политическомъ смыслѣ, и понималось какъ начало проявленія безпорядковъ въ войскахъ гвардіи. Заступникомъ за благонадежность войскъ, и особенно гвардіи, явился, состоявшій въ званіи военнаго генераль-полиціймейстера, генераль-майоръ Иванъ Никитичъ Скобелевъ. Вотъ его рапортъ къ главнокомандовавшему 1-ю арміею, отъ 3-го октября 1822 года:

„Находясь въ званіи военнаго генераль-полиціймейстера близъ года, я не ограничивался однимъ наблюденіемъ порядка въ отношеніи къ гарнизонной службѣ, обязанности по коей, составляя прямой долгъ каждому изъ служащихъ, если и находилъ я временно не отвѣчающими существующимъ постановленіямъ, напротивъ чего не думалъ также и резону причестъ ихъ къ намѣренію въ пользу какой-либо вредной дѣли.

„А посему и кругъ дѣйствія моего направленъ былъ къ предмету, далеко полезнѣйшему, который тѣмъ болѣе казался мнѣ важнымъ, что и ваше превосходительство, по прибытїи моемъ къ должности, были того самаго мнѣнія, которое составляло душевную тягость всѣхъ, безъ изъятїя, уважающихъ вѣру, любящихъ царя и желающихъ родной странѣ счастливаго бытїя.

„Нелѣпные рассказы, плодъ подлой праздности, за долго еще предъ вступленїемъ моимъ въ настоящее званїе познакомили меня съ возникающими, будто бы, и укоряющимися преступными и чести чуждыми—въ людяхъ имяни сего недостойныхъ—намѣренїями.

„Разговоръ—вещь не трудная; на тысячу добродѣтельныхъ смертныхъ достаточно одного исчадія ада, чтобъ разсѣять опасность и повергнуть въ грустное уныніе добрыхъ сыновъ церкви и отечества.

„Такой точно видъ образовало собою вздорное проишествїе, лейбгвардіи въ семеновскомъ полку случившееся. Страхъ при столь новомъ и народу русскому несвойственномъ событїи не былъ секретомъ, а толки о семъ, въ превратномъ смыслѣ, усилилися, дали оному повсемѣстный потокъ.

„Послѣдствїя обнаружили истину, но не истребили до конца опасенїя, поддержанныя сколько буйствомъ людей, ни на что негодныхъ и въ единомъ безпорядкѣ благо свое выдающихъ, а не менѣе и нечестивыми журналами, вносящими дерзкую и чуждую намъ клятвопреступную возможность къ пренїю ничтожнаго подданнаго съ высочайшею властію избраннаго помазанника Всесильнаго Бога!

„Къ сему-то единственно предмету обратилъ я—подъ бременемъ слабаго здоровья—увядающїя способности мои. Долговременная служба дала мнѣ средство приобрѣсть обширный кругъ знакомства и упрочить дружескія связи, по мѣрѣ и ходу возвышенїя моего съ людьми, различнымъ классамъ принадлежащими; 11-ти-лѣтняя въ казармахъ жизнь предоставила сильныя права къ возбужденїю прїязни въ прежнихъ товарищахъ; и сверхъ сего, не стыжусь сказать, что всѣ средства, въ какой бы крайности ваше превосходительство представили ихъ ни пожелали, всѣ пути, въ какой бы низости вы ихъ ни вообразили, всѣ виды, костюмы и самая даже ненавистная форма пьѣнаго въ трактирахъ и кабакахъ, во время развѣздовъ моихъ, была повсемѣстнымъ моимъ удѣломъ. И въ награду столь и самому мнѣ странныхъ подвиговъ, я приобрѣлъ полное и торжественное право утвердительно говорить: что во всей, рѣшительно, гвардіи и арагїи—съ весьма малымъ и при томъ частнымъ исключенїемъ—прямая добродѣтель—въ самомъ благороднѣйшемъ направленїи и ясна какъ солнце! Путь къ чести твердъ, надеженъ, непоколебимъ, и смерть въ

доказательство пламенной любви къ монарху — самый блестящій шагъ вѣрноодданннмъ обожаемаго царя.

„Въ удостовѣреніе сей несомнительной истины, при первомъ открывшемся случаѣ, который-бы руководилъ къ преступной дѣли сто человѣкъ, одною мыслию направленныхъ, я подвергаю, и даже прошу трубить собѣ голову, какъ первому изъ нихъ злодѣю.

„Отнюдь не помышляя защищать себя просимымъ увольненіемъ отъ службы, для сей (смѣло говорю) несбыточной отвѣтственности, я всегда и всюду опредѣляю себя въ жертву столь примѣрнаго наказанія.

„А посему, соглашался съ общимъ мнѣніемъ, что полиція, собственно для арміи, вовсе не надобна, и что она была-бы явнымъ оскорбленіемъ честолюбію ревнующихъ къ пользамъ службы военныхъ, слѣсное повиновеніе — единственнымъ спутникомъ имѣющихъ, въ доказательство любви къ монарху, какъ сказалъ я выше, на вѣрную смерть готовыхъ, нахожу, что столь твердую въ основаніяхъ своихъ вѣру, ничтожное, богомерзское и, такъ сказать, французско-кучерское воспитаніе получившіе и собѣ собственно вредные шалуны, поколебать исполненскихъ силъ не имѣютъ; тварь сія болѣе жалка, нежели опасна и, по военной службѣ, за поступками подобныхъ имѣется строгій надзоръ, а къ истребленію, въ случаѣ дурного успѣха въ исправленіи, какъ и вашему превосходительству извѣстно, приемятся должныя мѣры.

„Что-жъ касается до людей, имѣющихъ въ распоряженіи своемъ государственный интересъ, какъ-то по провіантской и комиссаріатской частямъ, на которыхъ я равномерно обращаю наблюдательный взоръ и изъ коихъ большая часть исполняютъ дѣла службы подъ руководствомъ подлой корысти, то въ обезпеченіе сей значущей отрасли государственнаго достоинства полиція, полагаю, необходима.

„Въ основаніе наложеній сей записки принята сущая истина, о коей, по званію монаршею довѣренностію облеченнаго чиновника, а вмѣстѣ и вѣрнаго его императорскому величеству слуги, и не имѣлъ смѣлости умолчать.

„Военный генералъ-полицмейстеръ 1-й арміи генералъ-маіоръ Скобелевъ“.

Славному ветерану пришлось сильно поплатиться за свое кудреватое, но честное и сильное слово, попавшее въ разрѣзъ съ господствовавшимъ мнѣніемъ. Онъ впалъ въ немилость, лишился занимаемаго имъ поста, что отозвалось на его здоровьѣ, а главное нанесло сильный нравственный ударъ..... Приведемъ другое его письмо отъ 17 января 1824 г., изъ Москвы, какъ кажется, къ главнокомандо-

вашему 1-й армии. Поводомъ къ письму послужило ходившее въ то время въ рукописи стихотвореніе, приписываемое Пушкину: „Мысль о свободѣ“.

„Утомясь угрызениями грозно преслѣдующей меня совѣсти — писать Скобелевъ — и оплакавъ шагъ, сдѣланный мною на необузданному побужденію слѣпой вѣры къ предмету, повергнутому меня въ долю наивыполучѣйшую, я постепенно привыкаю къ имени чело-вѣка, чрезъ праздность ничтожнаго. Не имѣя правъ смотрѣть вамъ въ глаза съ тою благородною свободою, каковая нѣкогда была лестною вывѣскою души моей, безъ сомнѣнія не буду я искать случая присутствіемъ своимъ навлечь вамъ тягость; но какъ минутная погрѣшность, въ основаніе коей вошли причины неопытности моей, чрезъ мѣру важныя, не сильны были умертвить во мнѣ постоянныхъ норывовъ къ истинному добру, и несчастіе не потушило пламеннаго желанія быть полезнымъ благодѣтелю царю, то и рѣшился я доложить вашему превосходительству: не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядныя дарованія свои употребилъ въ явное зло, запретить издавать развратныя стихотворенія? Не соблазнъ они для людей, къ воспитанію конкъ приобщено спасительное попеченіе; но въ настоящее время, по всей вѣроятности, большая часть родителей о томъ даже и не помышляетъ! Всѣ, какъ въ Божьему гнѣву, снѣшать учить языкамъ, числомъ конкъ свершается курсъ наукъ питомцевъ пагубной моды. Образую собою зданіе превосходиѣйшей архитектуры, безъ прочнаго фундамента, съ жадностію вливаютъ въ себя ядъ, нечестіемъ составленный, и вреда впоследствии (по крайности собственно для нихъ) очевидно несомнительно. Я не имѣю у себя стиховъ сказаннаго вертопраха (Пушкина), которые повсюду ходятъ подъ именемъ: Мысль о свободѣ. Но, судя по возраженіямъ, ко мнѣ дошедшимъ (также повсюду читающимся), они должны быть весьма дерзки; послѣдніе осмѣливаюсь представить“.

Стихотвореніе — „Мысль о свободѣ“ — разошлось въ значительномъ количествѣ списковъ. Вотъ его начало:

Мысль о свободѣ.

Взойдетъ ли наконецъ, друзья,
Среди небесъ роднаго края
Давно желанная заря —
Заря свободы золотая? и т. д. всего 41 строка.

Вослѣвъ геройское освобожденіе швейцарцевъ, разбившихъ огромныя полчища Карла Смѣлаго при Маргартенѣ, тотъ-же поэтъ въ другомъ стихотвореніи, также въ то время распространенномъ въ рукописи

выражаетъ своему молодому другу пылкую любовь „къ возвышенной свободѣ“.

Посланіе къ другу.

Что значать эти увѣщанья?
 Мой другъ, что значать голосъ твой?
 Онъ возбудилъ въ груди молодой
 Нѣмой порывъ негодованья.
 Ты мыслишь, что разлука годы
 Во мнѣ убила прежній духъ?
 Что въ сердцѣ молодомъ потухъ
 Сей жаръ возвышенной свободы?—

Нѣтъ, другъ мой! я всегда питалъ
 Сія прекрасныя желанья,
 И сей огонь неугасалъ
 Ни въ наслажденьи, ни въ страданьи,
 И гордый духъ мой презиралъ
 Слѣпую власть очарованья.
 Во мнѣ святѣя чувства живы:
 Тѣ чувства къ родинѣ, любви;
 И часто въ пламенной груди
 Кипятъ отважныя порывы.
 Твой другъ гордится чувствомъ симъ.
 Въ странѣ. . . . .
 Къ толпѣ льстецовъ, къ рабамъ слѣпымъ
 Бросаетъ гордый взглядъ презрѣнья.
 Я не склонялъ главы молодой
 Передъ вельможею надменнымъ,
 Не ползъ презрительной стезей
 Къ рабамъ—рабами окруженнымъ;
 Мой другъ! я молодежь, но видаю,
 Какъ лстецъ, эмблема униженья,
 Съ восторгомъ рабскаго забвенья,
 Любимцевъ . . . . . слѣдъ лобзалъ,—
 И гордый духъ мой замрзалъ
 Въ порывахъ гнѣвнаго волненья!

Въ отвѣтъ на эти стихотворенія были написаны „Возраженія“, также ходившія въ рукописи по рукамъ. Одно изъ нихъ „Мысль россиянина о свободѣ“—есть произведеніе Николая Цыбульскаго. Другое, подъ названіемъ „Мысль русскаго солдата о свободѣ“—неизвѣстнаго автора.

Первое изъ „возраженій“ состоитъ изъ двухъ-сотъ стиховъ, второе изъ ста тридцати. Приводимъ изъ того и другого нѣсколько строкъ:

I.

Мысль Россіянина о свободѣ.

(Возраженіе).

Не ты-ль во цвѣтъ раннихъ лѣтъ
 Презрѣвъ обычай нашъ и правы,
 Клятвопреступный дагъ обѣтъ,
 Изгнать желанье прочной славы?
 Не ты-ль свободу громко звалъ,
 Прельстася игрою заблуждений?
 Куда завелъ тебя твой Геній?
 На чемъ ты счастье основалъ!
 Себя-ль ты хочешь имъ ласкать?
 Уровъ его невозвратимой!
 Сей вольности неукротимой,
 На то-ль рѣшился-бъ ты искать —
 Чтобъ ею гордо забавляться,
 Среди бунтующихъ страстей?
 И въ торжествѣ другимъ являться,
 Какъ ненаказанный злодѣй?
 На что сей вольности желать,
 И быть врагомъ законной власти; —
 На то-ль, — чтобъ вѣчно трепетать
 И ожидать одной напасти? и т. д.

II.

Мысль Русскаго солдата о свободѣ.

(Возраженіе).

Демократія—безумный, что за бредъ?
 Какихъ желаешь ты родному краю бѣдъ?
 Къ покою нашему ведаѣ начальство есть,
 И каждый каждому являетъ должну честь.
 Чинъ чина почитаетъ,
 И благо свое въ томъ, солдатъ и гражданинъ смелость.
 Какое-жъ въ вольности добро?
 Кто смѣетъ увѣрять,
 Чтобъ въ безначаліи ребро
 Не могъ я потерять,
 Иль черепъ своротить
 Не смѣлъ самъ у другого?
 Кто-бъ задумалъ утвердить,
 Что званія простого
 Бурлакъ и трубочникъ, —
 Министръ и копійистъ,
 Равны въ толпѣ народной,
 Гдѣ могутъ всѣ кричать,
 Гдѣ разумъ каждого свободный
 Законы можетъ предлагать;

Гдѣ регистраторъ нашъ пьянчужка,
 Полуфранцузъ гдѣ куралесить
 И на вѣсакъ своихъ все вѣсить.
 Нѣтъ, нѣтъ; дурная тутъ игрушка и т. д.

И. Н. Скобелевъ не находилъ сообщенныхъ имъ по начальству „возраженій“ достаточно сильными, а потому въ томъ же рапортѣ къ главнокомандовавшему 1-й арміи сдѣлалъ отъ себя слѣдующее предложеніе:

„Если-бъ сочинитель вредныхъ пасквилей (Пушкинъ) немедленно, въ награду, лишился нѣсколькихъ ключевъ шкуры — было бы лучше. На что снисхожденіе къ человѣку, надъ коимъ общій гласъ благомыслящихъ гражданъ дѣлаетъ строгій приговоръ? Одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы; но сколько же напротивъ водворится вреда — неумѣстномъ къ негодяямъ нѣжностью! Можно смѣло ручаться, что многіе изъ порядочныхъ людей безъ соболѣзнованія рѣшились бы удавить дѣтей равнолѣтно развратныхъ, слѣдовательно большой еще перевѣсъ на сторонѣ благочестія, — надобно только зло умерщвлять въ началѣ рожденія его.

„Простите смѣлости; это мысль бѣльшей части людей и моя вмѣстѣ. Генераль-маіоръ Иванъ Скобелевъ“.

Сообщ. А. Н. Петровъ.

Примѣчаніе. Необходимо оговорить, что грубость и жестокость — какія являютъ въ Скобелевѣ приведенный документъ — вовсе не были присущи характеру этого типическаго представителя своего времени. Въ немъ складывались дурныя и необыкновенно хорошія черты — самымъ оригинальнымъ образомъ. Скобелевъ, рекомендующій содрать «нѣсколько ключевъ шкуры» съ Пушкина, — вовсе не тотъ, каковымъ знаетъ его петербургское общество на посту коменданта Петропавловской крѣпости. Здѣсь могла-бъ воплотиться жестокость этого человѣка, если бы она не была въ немъ дѣломъ, вытекающимъ лишь требованіями долга службы и дисциплины, какъ онъ ихъ понималъ... Напротивъ, Скобелевъ проявилъ замѣчательную человѣчность въ обращеніи съ узниками, и доселѣ ходитъ много рассказовъ о его самоотверженномъ за нихъ заступничествѣ; одинъ изъ таковыхъ рассказовъ — напечатанъ и въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г. т. I стр. 603 (пер. изд.) и 539 (втор. изд.).

Ред.